

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)
«СОВРЕМЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
И ЕЕ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ»

28 марта 2009 г. под эгидой юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета прошла международная научно-теоретическая конференция (круглый стол) «Современная юридическая наука и ее проблематизация». Конференция была посвящена юбилею зав. кафедрой теории и истории государства и права, д. ю. н., проф. Дженевры Игоревны Луковской.

Конференцию открыл зам. декана юридического факультета СПбГУ *В. В. Лукьянов*. Затем со словами поздравления к Д. И. Луковской обратился ректор СПбГУ *Н. М. Кропачев*. Он подчеркнул, что выступает прежде всего как представитель выпускников юридического факультета 1981 г., которых в зале собралось достаточно много. Н. М. Кропачев вспомнил, как, будучи студентом, имел честь слушать лекции Д. И. Луковской. Запомнилась и ее лекция, прочитанная Ученому совету университета. Это не только честь, но и огромный труд, ведь в зале присутствовали химики, физики, математики, экономисты, биологи. В заключение ректор подчеркнул, что Дженевра Игоревна не только великолепный преподаватель, ученый, но и мудрая женщина.

С особым вниманием было выслушано выступление *Д. И. Луковской*. По ее мнению, на первый взгляд, тема конференции выглядит экзотической и весьма широкой, даже каждое слово в формулировке темы проблематизировано. С какого периода вести отсчет современности? Может быть, с эпохи Возрождения? Или речь идет о постсовременной науке, и начать следует с последней трети XX в.? Само понятие «наука», ее образ, критерии научности тоже проблематизированы. Если говорить о юридической науке, то не пора ли определиться с тем, что она — часть социально-гуманитарных наук, в чем убеждена кафедра теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ. В связи с этим возникают вопросы о месте юридической науки среди указанных наук, наук о человеке, его целях, ценностях, деятельности. Не следует забывать и о том, что некоторые исследователи считают юридическую науку лишь прикладной. Слово «юридическая», если сделать акцент на нем, тоже проблематизировано.

Известно, что юриспруденция — это наука о праве. Присутствующий на конференции Л. С. Мамут предлагает отдельно от науки о праве развить науку о законе — легалистику. Обратимся к самому слову «проблематизация», предполагающему достижение договоренности, формирующему образ науки как конвенции. По мнению Д. И. Луковской, необходимо договориться, что такое знание, какой образ знания мы предпочитаем: или мы, как позитивисты, думаем, что знание — это только утвердительные высказывания, или соглашаемся с тем, что знания могут иметь вопросительную форму. Перспективен такой тип знания, который заключает в себе знание

о знании, знание саморефлексивного рода. Сама способность к саморефлексии, к самокритике, к знанию о знании характеризует зрелый уровень юридической науки. Нередко звучит вопрос о том, находится ли наша наука в кризисе. Но тогда возникает вопрос: что такое кризис науки?

Юридическая наука, да и другие гуманитарные науки многие десятилетия были официально идеологизированы. Официальная идеологизированность означала единство прежде всего в вопросах правопонимания, в вопросах предметно-методологических. Такое единство, однообразие, установка на единообразии характерны для всех утопий начиная с Платона. Многообразие расценивалось как враждебность, злоумышление, рождало попытки найти «врагов» в науке. С 1960–70-х годов дискуссии о правопонимании, конечно, были, но на некоей цементирующей, единой предметно-методологической основе.

Сегодня многообразия в теории и философии права предостаточно. Много дискуссий, концепций, посвященных правопониманию. Наука словно смотрит сама на себя. По-разному объясняется такое многообразие в правопонимании, в том числе многоаспектностью самого права, новым образом науки и научности, многосложностью, многозначностью социокультурного текста права. Мы имеем сегодня конкуренцию теорий. Преодолима ли она? Например, И. Л. Честнов считает, что здесь ничего нельзя сделать, ибо нет нейтрального авторитета, своего рода конституционного суда в науке. Так нужно ли единство? Наверное, да, но единство в многообразии. Эти поиски идут, они достаточно плодотворны, в том числе на пути к интегративной юриспруденции.

Единство в многообразии предполагает разумный баланс идей, взглядов, концепций. Вызов ученым исходит от практики. Д. И. Луковская привела пример новейшей публикации, в которой один автор задается вопросом о том, каким образом судья должен абстрактно-философски оценивать норму права, обращаясь к одновременно предлагаемым положениям либертарной школы и коммуникативной концепции? Покойный академик В. С. Нерсесянц искал и находил переход с так называемого научно-философского уровня на уровень юридической догматики. Проблеме перехода с уровня философского на уровень догматики с разных методологических позиций уделяют внимание и такие ученые, как А. В. Поляков, Е. В. Тимошина, Н. В. Варламова. Наверное, это проблематизирует и саму догматику. В частности, понятие «субъект права» в теории до сих пор фигурирует прежде всего как цивилистическое. Теория, проверенная практикой, — звучит весьма солидно. Безусловно, важна практическая ценность теории. Но чтобы об этом говорить серьезно, сама практика должна быть освоена теорией.

Знание, которое содержится в проблеме как «вопрошании», непосредственно не увязано с практикой. Но можно попробовать перевести проблемы в конкретные задачи для практики, при этом уважительно относясь к чужим альтернативным взглядам, идеям, чтобы снова не оказалась канонизирована и догматизирована единственная истина, чтобы эта опасность не настигла наших студентов.

Таким образом, в выступлении Д. И. Луковской были обозначены основные проблемы и задан тон их дальнейшего обсуждения.

Дискуссия открыло выступление д. ю. н., проф., главного научного сотрудника ИГП РАН Л. С. Мамута. Отметив, что предложенная для обсуждения тема представляется не просто важной и интересной, но и остроактуальной, он заявил, что именно в рамках данной темы уместно поднять проблему сведения к минимуму все еще циркулирующих в профессиональном и в обыденном сознании необоснованных, весьма засоряющих

его отождествлений и раздвоений процессов, фактов, вещей, понятий. Одновременно он заметил, что, во-первых, практически в любой интеллектуальной деятельности нельзя обойтись без использования такого логического приема, как дихотомия. Во-вторых, сплошь и рядом относительно термина «политико-юридическое знание» употребляются синонимы «политико-правовая мысль», «политико-правовое мышление», «Государственно-правовые взгляды» и т. д. Во всех этих и аналогичных им формулировках внимание должен привлечь дефис — знак, стягивающий в один тугий узел «политическое» («государственное») и «юридическое» («правовое»). Однако в каких бы модусах «политическое» и «юридическое» ни брать, в реальной действительности это разносушностные феномены. Соответственно, право и закон — разносушностные феномены, хотя в некоторых отношениях закон выражает право. Опираясь на изложенную позицию, надо признать, что «политико-правовое (юридическое) знание» есть искусственно созданная (вымышленная) двойственная интеллектуальная конструкция. Под двойственностью тут разумеется не двоякое проявление единого или взаиморасположение двух родственных величин. Она в настоящий момент понимается как комбинация противоречивых начал, исходно, по глубинной своей сути отличающихся друг от друга.

Л. С. Мамут подчеркнул, что самое время заострить внимание на принципиальной неодинаковости наук (деятельности, сопряженной с расширением, углублением и совершенствованием знаний) о государстве, законе, праве и преподавании (допустим, вузовском) уже имеющихся сведений, которые касаются государства, закона, права. По мнению докладчика, надо неустанно повторять, что научные исследования и вузовское преподавание — разные (непрерывно равнодостоинные, одинаково востребованные социумом) типы интеллектуально-творческой деятельности.

В заключении Л. С. Мамут сформулировал выводы прагматического свойства, которые, по его мнению, напрашиваются из полужэкспромтных размышлений о «дихотомии и политико-юридическом знании». Оказывается, что само это знание (или часто замещающие его понятийные значения) есть противоестественный гибрид. Прибегать к нему, оперировать им — значит перекрывать путь правильному восприятию и интерпретации весомого фрагмента духовной (и не только духовной) реальности. Верная дорога пролегает через отчетливое разграничение «политико-юридического» и неукоснительное использование терминов «политическое знание» и «юридическое знание» в подавляющем большинстве случаев порознь (об исключениях — отдельно). Следовательно, оправданна заявка на существование таких самостоятельных учебных дисциплин, как государствоведение, законоведение, правоведение. Судьба «теории государства и права» требует особого разговора. Надлежащая подготовка названных самостоятельных (однако вовсе не отгороженных друг от друга напрочь) учебных курсов и их компетентное преподавание, без сомнения, способны повысить качество выпускаемых юридическими вузами специалистов в области государства, закона, права.

Д. ю. н., проф. юридического факультета СПбГУ А. В. Поляков отметил, что наука живет проблемами и живет до тех пор, пока эти проблемы есть; не будет проблем — не будет и науки. Нужно понимать, что в теоретическом правоведении мы имеем дело с проблемами особого рода. Здесь познающий не открывает действительность, а интерпретирует ее. Это означает, что ученый имеет дело не просто с объективной действительностью, которая существует независимо от него, а с действительностью текстов, создаваемых и интерпретируемых в процессе социального взаимодействия.

Данные идеи, по мнению А. В. Полякова, впервые в нашей науке были проблематизированы как раз Д. И. Луковской в ее докторской монографии, которая называлась «Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект» (Л., 1985). В данном исследовании, по сути, представлена новая для нашей науки методология юридического познания. В центре ее находятся категории смысла, понимания, интерпретации. Научное знание в указанном труде интерпретируется в феноменолого-герменевтическом ракурсе и представляется не как знание, существующее само по себе, постоянное и неизменное, а как знание предпосылочное, контекстное, ценностное, вариативное и проблемное по своей сути. Д. И. Луковская ввела в процесс юридического мышления аксиологическую составляющую; это позволило рассматривать познание и оценку как неразрывные стороны единого процесса, который был напрямую связан с ситуацией живого диалога. В результате на первый план выходят интереснейшие, или, как пишет Д. И. Луковская, интереснейшие отношения. Социальная действительность описывалась ею в терминах, очень близких по смыслу феноменологическому представлению о жизненном мире, хотя, казалось бы, формально вся конструкция опиралась на деятельностный подход.

Исходный материал интерпретации — текст. Следуя за М. Бахтиным, Д. И. Луковская утверждает, что текст — первичная данность, исходная точка всякой гуманитарной дисциплины. С текстом связана проблема герменевтического круга, вне которого интерпретация не существует. Воображение рассматривалось как еще одна иррациональная составляющая в сознании интерпретатора наряду с оценением, и из этого делался очень интересный и правильный вывод: ни одна интерпретация не является окончательной. Отсюда и вечные проблемы, которые существуют в науке и являются не просто повторением ранее сказанного, а заново прочитанными проблемами. А. В. Поляков процитировал важный для него вывод, сделанный Д. И. Луковской: «Путь к истине в науке... своеобразный коммуникативный процесс» (Там же. С. 130).

Методологические основы интерпретации имеют специфически коммуникативную природу. Особенно интересной представляется предпринятый в рассматриваемой работе анализ категории природы человека. Сама природа человека является источником права. Мысль неординарная, особенно с точки зрения тогдашней марксистской науки. Природа человека связывалась в марксизме с материальностью общественных отношений. Сегодня, учитывая данную идею, стоит признать, что дело не столько в материальности общественных отношений, а в их коммуникативной сути. Академик Лекторский не случайно подчеркивает, что межличностная коммуникация относится к глубинной структуре индивидуальности человека, его сознания, его «я», и в этом смысле право есть чисто человеческий способ быть «другим» для «другого». Действительно, право выводится из коммуникативной природы человека. По мнению А. В. Полякова, монография Д. И. Луковской заложила основы современной постклассической методологии, и, отталкиваясь от нее, можно развивать науку дальше, в том числе в направлении коммуникативного правопонимания. В таком ракурсе видна преемственность между идеями юбиляра и традициями правопонимания Петербургской школы философии права, которые сложились в стенах СПбГУ. Данную традицию характеризует своеобразное субъектное восприятие права. Она восходит к трудам Коркунова, развитие ее было суждено Петражицкому, она была продолжена в работах Гурвича, Сорокина, Магазинера, Явича. И благодаря Д. И. Луковской традиции петербургской школы до сих пор живы.

Д. ю. н., проф., ведущий научный сотрудник ИГП РАН *Л. Е. Лаптева* поддержала позицию, изложенную *Л. С. Мамутом*. Отметив традицию нашей науки делать акцент на законоведении, она подчеркнула, что это характерно не только для советской школы. История и (в какой-то мере) теория права выросли из законоведения. Представители отраслевых юридических наук изучали историю права, поскольку им было интересно выяснить, как эволюционировал тот или иной институт. Данный процесс наблюдался до революции.

По мнению *Л. Е. Лаптевой*, история права и государства, будучи юридической наукой, а не просто систематизированным набором фактов, как и соответствующая учебная дисциплина, оправдывает себя только при условии, что ее предметная область не исчерпывается одними законами, но оперирует и идеями. Если ориентироваться на образовательный стандарт, наш предмет представляет собой историю законодательства, следовательно, почти лишен соответствующей теоретической подоплеки. Как ни странно, отказ от классового подхода привел к тому, что дисциплине не хватает теперь идеологии, системы координат, в которых должно происходить формирование мировоззрения современного юриста. Можно утверждать, что попытка заменить классовый подход цивилизационным оказалась в методологическом отношении бесплодной. Она (в зависимости от предпочтений) приводит или к уже изрядно надоевшей апологетике пресловутого особого пути, или к отчаянным попыткам привести Россию к общему знаменателю западной цивилизации. В любом случае это общесоциологическая методология. Остается открытым вопрос о том, что может лежать в основе специальной методологии истории государства и права как науки юридической. Важно помнить, что частью юридической методологии, а следовательно, и идеологии является правопонимание. Необходимым идеологическим стержнем курса представляется различие права и закона. Если в теории этот вопрос хотя бы обсуждается, то в среде историков права и государства (многие из них теперь не имеют базового юридического образования) понимание такого различия приживается с трудом.

Говоря об идеологизации истории государства и права, нельзя допускать произвольной интерпретации фактов и источников. Речь может идти только об объективном их анализе. Принципы объективности и историзма — необходимые атрибуты любых научных исследований. Однако общее мировоззрение ученого неизбежно накладывает отпечаток на то, как он интерпретирует факты и к каким выводам приходит. Вместе с тем интерпретация любого текста (в данном случае исторического памятника) — коммуникативный процесс, диалог исследователя с авторами минувших эпох. Интерпретация исторического текста неизбежно находится под влиянием того объема знаний, которыми обладает исследователь как представитель более поздней эпохи, хотя бы потому, что ему известно, «что было дальше». Таким образом, исторический текст неизбежно помещается в новый пространственно-временной континуум. В этом смысле можно говорить о том, что любой историк поневоле модернизирует текст в процессе его интерпретации. Другое дело, что он обязан учитывать исторический контекст, в котором данный документ был создан.

Далее слово было представлено *д. ю. н., проф. Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры И. Л. Честнову*. С его точки зрения, не будет преувеличением утверждение о том, что *Д. И. Луковская* — крупнейший теоретик истории политических и правовых учений в нашей стране. Это связано с тем, что, кроме нее,

о методологии истории политических и правовых учений сегодня практически никто не пишет (монография «Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект» (Л., 1985) и статья «Предмет и методология истории политических и правовых учений» (Правоведение. 2007. № 3)).

Важно то, что Д. И. Луковская разрабатывает принципиально оригинальную, постклассическую методологию применительно к истории политических и правовых учений и теории государства и права — рефлексивную. Представляется возможной и плодотворной ее конкретизация в соответствии с диалогической научно-исследовательской программой, развиваемой А. С. Ахиезером, Л. М. Баткиным, М. М. Бахтиным, В. С. Библером, А. Я. Гуревичем, Ю. М. Лотманом.

История — это диалог (как мыслительное конструирование образа «Другого» и как такая коммуникация, в которой позиция «Другого» принимается в качестве конститутивной для формирования идентичности «Я») между настоящим (содержащим предвосхищение будущего) и прошлым. С этой точки зрения исследование прошлого предполагает «погружение» в биографию изучаемого мыслителя прошлого и его эпоху (включая референтную группу мыслителя и социально-исторический и культурный контекст). В то же время диалогичность истории — это саморефлексия исследователя, изучающего прошлое, т. е. критический самоотчет о личностных характеристиках, идеологических пристрастиях, культурных ценностях, типе правопонимания и т. д., а также господствующих сегодня подходах (возможно, стереотипах) к восприятию того или иного мыслителя прошлого.

Думается, что проблематика методологии истории политических и правовых учений требует всестороннего, глубокого изучения в связи с происходящей сменой критериев научной рациональности, возможно, в рамках специальной научной конференции или семинара.

К. ю. н., доц., старший научный сотрудник ИГП РАН *Н. В. Варламова* сформулировала тему своего выступления в форме вопроса: «Субъективное право и юридическая обязанность: что первично в правовом регулировании?». Она считает, что представление о соотношении субъективных прав и юридических обязанностей обуславливается типом правопонимания.

В контексте юридического позитивизма основная и первичная функция объективного права усматривается в создании обязанностей, а любое дозволение приобретает юридический смысл и значение, только если другие лица юридически обязаны вести себя по отношению к управомоченному лицу определенным образом (совершить определенные действия или воздержаться от них). Как указывал в свое время Г. Кельзен, отсюда «право» или «притязание» одного лица есть не что иное, как обязанность другого; оно есть лишь отражение этой обязанности.

В контексте либертарной концепции исходными юридическими категориями выступают субъект права как лицо, изначально свободное, и его субъективное право как притязание на обеспечение естественно присущей ему свободы. Субъективное право трактуется как индивидуальная мера свободы. Будучи мерой свободы, субъективное право имманентно содержит в себе и свое ограничение, предел осуществления — запрет выходить при реализации своей свободы за рамки, определенные свободой других лиц, по принципу формального равного признания и уважения (а значит, и соразмерного ограничения) свободы всех участников социального общения. Поэтому субъективное право как мера свободы в определенном смысле воплощает в себе единство права и обязанности. Однако здесь

именно субъективное право как притязание на свободу оправдывает обязанность, т. е. необходимую меру ограничения свободы, одновременно являющуюся ее гарантией.

При этом субъективное право образует притязание именно на свободу и исключительно на свободу — абстрактную, формально равную с другими людьми возможность самостоятельного (свободного от внешнего принуждения) выбора варианта своего поведения. Притязание на определенное поведение других лиц входит в содержание субъективного права лишь постольку, поскольку это их поведение сопряжено с обеспечением (непрепятствованием, защитой) свободы управомоченного лица. Понимание субъективного права как притязания на какие-либо иные социальные блага помимо свободы неизбежно ведет к его сугубо позитивистской интерпретации как охроированного объективным правом (предоставленно-социумом, государством).

К. ю. н., проф., ведущий научный сотрудник ИГП РАН *Н. Н. Ефремова* посвятила свое выступление принципам организации правосудия в российской истории. Остановившись на судебных принципах как категории судебного права, важнейшим институтом которого является правосудие, она выделила ряд принципов, традиционных для российской юстиции: 1) независимость, непредвзятость, объективность, компетентность; 2) доступность правосудия; 3) законность процесса и решения; 4) принцип истины; 5) инстанционность судопроизводства; 6) юридическое равенство сторон; 7) гласность; 8) демократизм; 9) гуманизм, охрана чести и достоинства личности и др. Эти принципы получили закрепление в действующих Конституции РФ, Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹ и иных российских законах о судоустройстве и процессе. Вместе с тем, например, уже в Судебнике 1550 г. был установлен принцип законности в управлении правосудия.

В Судебных Уставах 1864 г. также были установлены такие принципы, как состязательность, гласность процесса, доступность суда населению. Демократизм суда обеспечивался наличием общественного элемента в составе суда: присяжные заседатели участвовали в рассмотрении уголовных дел в первой инстанции общей юрисдикции — окружном суде. Но и в более ранние периоды эволюции правосудия коронный суд дополнялся выборными от населения. В советском суде таким общественным элементом были народные заседатели, составлявшие единую судебную коллегия с профессиональным судьей; в современной России это прежде всего суд присяжных.

Говоря о независимости судебной власти как одной из принципиальных публично-правовых ценностей, обеспечивающей реальность самой власти, *Н. Н. Ефремова* отметила, что впервые это было достигнуто в ходе применения Судебных Уставов 1864 г. Независимость суда была гарантирована несменяемостью судей.

Реальность правосудия зависит и от качества процессуальной деятельности судьи. Предписания судить честно, справедливо, непредвзято и бескорыстно можно найти во многих памятниках отечественного права, хотя практика часто расходилась с этими декларациями.

Важным принципом всегда считался принцип справедливости, который надлежит рассматривать как юридическую соразмерность. В этом

¹ СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

смысле он воспринимался и Екатериной II, полагавшей, что создание сословных судов будет обеспечивать его в силу того, что это будет суд равных.

Наконец, принципы гуманизма, охраны чести и достоинства личности присутствуют в источниках судебного права разных эпох, например, в «Наказе» Екатерины II.

Фактическое воплощение провозглашаемых принципов правосудия не всегда достигалось как по объективным, так и по субъективным причинам. Вместе с тем то, что эти прогрессивные принципы были провозглашены, означало поступательное движение к подлинному правосудию.

Д. ю. н., проф. Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения Э. В. Кузнецов посвятил свое выступление 100-летию возрождения философии права. Он отметил, что конец XX в. ознаменовался крушением многих рационалистических мифов о человеке, обществе, праве и государстве. Утратившее связь с бытием человеческое сознание единственно достоверной реальностью самоуверенно признало самое себя (*cogito ergo sum*). В соответствии с этим смысл жизни должен был быть не обретен, а создан, сконструирован самим человеком.

Религия начала казаться иллюзией, а правоведение постепенно превращалось в прибежище позитивистских концепций, в соответствии с которыми государственный закон был призван подменить естественную суть права, неразрывно связанного с нравственностью. Духовность, объявленная чем-то второстепенным, быстро была поставлена на последнее место. Параллельно расщеплению атома в социальной сфере началось разрушение самих основ человеческого существования. В действительности оказалось, что социальная жизнь имеет свои законы, вовсе не такие, как представлялось просвещенческо-социологическому рационализму, и важнейший из них — это признание границы, далее которой недопустимо никакое вторжение. Эта граница на языке философии права — личная свобода человека и его естественного права.

Кризис нашего правосознания начался не вчера и не сегодня. Нужно вернуть в наше сознание те правовые идеи и понятия, которые составляют фундамент всего естественного права. Этот фундамент был заложен выдающимися русскими юристами.

О критериях оценки научных идей в юриспруденции рассуждал д. ю. н., проф., зав. кафедрой истории государства и права Сибирского федерального университета С. А. Дробышевский. Государство существует в природе и является ее частью. Притом естественные закономерности используются людьми, живущими в таком социальном организме, в ходе правового регулирования для достижения целей этого сообщества. Когда научные идеи в правоведении соответствуют совокупности выделенных природных связей, они обыкновенно верно отражаются в праве, которое, как правило, формулируется при учете достижений юриспруденции. В результате цели государства реализуются успешно. Но этого не происходит в случае противоречия научных идей в правоведении анализируемым естественным закономерностям. Вот почему вторые выступают критериями оценки правильности формулирования первых как средств для осуществления рассматриваемых целей.

Иерархии целей, принятые в разных государствах, могут находиться в непримиримом конфликте, но вместе с тем не противоречить природным закономерностям, при реализации которых обеспечивается выживание всякого подобного сообщества. В указанном случае конкретная юридическая научная идея, совместимая с отмеченными естественными

связями, в состоянии оказываться подрывной в одной государственной организации, но не обладать этим качеством в другой.

Такая цель государства, как социальный прогресс, проявляется по-разному. Скажем, живущие в рассматриваемом политическом организме люди делаются из худших лучшими в смысле расширения и углубления господства каждого человека над своей собственной и внешней для него природой. И этого рода показатели также способны выполнить функцию критериев оценки юридических научных идей. В ходе социального прогресса может быть осуществлен идеал создания в государстве коллектива лучших в мире профессионалов во всех сферах специализированной человеческой деятельности, образованных и высококультурных людей. Но с этой моделью несовместимы отдельные авторитетные представления о путях решения проблемы материальной справедливости в юриспруденции. Например, теоретические представления Аристотеля по данному вопросу не обеспечивают реализации приведенного идеала. Аналогичное заключение верно и по отношению к известной концепции Д. Остина о тождестве справедливости и позитивного права.

К критериям оценки научных идей в юриспруденции следует отнести и право. Но если составляющие его юридические нормы несовместимы с закономерностями выживания и прогресса государства, а также с требованиями понятности и непротиворечивости, то эти правила не смогут обеспечить самосохранение и совершенствование такого политического организма. Вот почему для реализации указанных целей право не должно быть верховным или главным критерием оценки юридических научных идей, а должно занимать в иерархии подобного рода мерил подчиненное положение по отношению к ранее охарактеризованным.

Белорусский ученый *С. А. Калинин* в своем выступлении поднял проблему природы верховенства права.

Научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, д. ю. н., проф. *Р. А. Ромашов* сформулировал тему своего выступления следующим образом: «От общей теории социалистического права к современной теории права». По его мнению, в теории права продолжают доминировать традиции, сформировавшиеся в советской юриспруденции. Это снижает как собственно научный потенциал названной отрасли знания, так и ее значимость в качестве учебной дисциплины.

Не имеет смысла противопоставлять философское и инструментальное понимание права. Вместе с тем нужно разграничить представление о праве как о юридической форме и как о принципе, поскольку в настоящее время на отраслевом уровне утверждается прямое действие как формализованных норм, так и не получивших документального закрепления принципов права.

Следует скорректировать позицию, в рамках которой утверждается неразрывная связь права с государством. В современных условиях наряду с государством в качестве субъектов правотворчества и правоприменения могут выступать негосударственные образования (международные организации, органы местного самоуправления, корпорации, индивиды). Соответственно, необходимо в рамках теории права определить принципы соотношения и взаимодействия разноуровневых правовых массивов (международного и национального права, публичного и частного права, права государства и права человека).

С учетом одновременных процессов глобализации и обособления правовых систем целесообразно отказаться от догматизированного

подхода, в рамках которого все национальные правовые системы делятся на три основные правовые семьи (романо-германского, англо-американского и мусульманского права). В качестве альтернативы может быть предложена культуроцентристская концепция, предполагающая наличие множественности не сводимых к универсальной общности правовых систем, развивающихся под воздействием многочисленных факторов как объективного, так и субъективного характера. При этом за основу сближения этих систем следует принять концепцию общецивилизационного единства человеческой культуры.

К. ю. н., доц. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ *Е. В. Тимошина* выступила с докладом «Критерии “синтетической” правовой теории в философско-правовом дискурсе Л. И. Петражицкого». По ее мнению, признание теоретической предпочтительности интегральной теории права перед другими вариантами правопонимания в последнее время стало едва ли не общим местом в российском правоведении. Однако принципиальный для данной темы вопрос — каким критериям должна удовлетворять интегральная теория права — серьезного теоретического обсуждения не получил.

Традиционно начало бытования в отечественной юриспруденции «синтетической» терминологии для обозначения соответствующей правовой теории связывают с именем А. С. Яценко. Однако его первенство как в уяснении теоретической ограниченности «односторонних» правовых теорий, так и во введении «синтетической» терминологии в теорию права вызывает серьезные сомнения. Л. И. Петражицкий еще в «Очерках философии права» (1900) характеризует современные ему правовые концепции как «односторонние» и взаимоисключающие и использует термин «синтетическая теория права» для характеристики собственной правовой теории. Он указал на существование в правоведении двух принципов организации системы теоретико-правового знания, которые могут быть обозначены как «комбинационный» и «синтетический» и которые, с точки зрения Е. В. Тимошиной, реализуются и в современной российской теории права.

Значение комбинационного принципа построения правовой теории заключается в сведении основных подходов в качестве «слагаемых элементов» в единую логико-грамматическую, но отнюдь не теоретическую конструкцию. Научную предпочтительность синтетического принципа организации теоретико-правового знания обосновывает сам Л. И. Петражицкий. По его мнению, любая претендующая на научность правовая теория должна строиться как «синтетическая», которая, во-первых, имеет возможность объяснять и предсказывать возможно большее (по сравнению с иными концепциями) число явлений «правового мира», во-вторых, обладает способностью к «примирению» отдельных теорий, не являясь при этом их механической совокупностью. Как считает Е. В. Тимошина, в современном российском правоведении к синтетическим в указанном выше смысле можно отнести и либертарно-юридическую, и коммуникативную теории права.

К. ю. н., доц. кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета *В. В. Денисенко* посвятил свое выступление сущности современного позитивного права. Легитимность позитивного права основана на определенных нормативных принципах, которые разделяются гражданами и символизируют единство, сплоченность общества. Докладчик также констатировал, что в отечественной правовой науке вопросы, связанные с легитимацией права, в большинстве случаев разработаны без учета изменений, произошедших в обществе в XX в.

Естественное право, которым легитимируется отечественное позитивное право, — это обоснование правил позитивного права метафизической идеологией эпохи Просвещения, концепцией неких неизменных начал, которые действительны для всех времен и народов и с позиции которых можно оценивать законы. Между тем обоснование позитивного права представляется необходимым, в противном случае возникает угроза нарушения прав личности государством.

В выступлении д. ю. н., проф. кафедры коммерческого права СПбГУ *О. Ю. Скворцова*, посвященном проблемам экономического оборота и частной юрисдикции, подчеркивалось, что тема исследования находится на стыке частноправовой и публично-правовой проблематики.

Д. ю. н., проф. кафедры коммерческого права СПбГУ *О. А. Городов* обратился к теории интеллектуальных прав и ее применению в законодательстве РФ об интеллектуальной собственности. По мнению *О. А. Городова*, главная причина появления теории интеллектуальных прав заключается в том, что на момент ее разработки в 1908 г. бельгийским юристом *Е. Пикардом* традиционная классификация прав, включающая вещные права, личные права и права обязательственные, представлялась недостаточно полной. Была предложена общая классификация, в соответствии с которой авторские права, права на изобретения, промышленные образцы, полезные модели и товарные знаки составляли новую категорию так называемых интеллектуальных прав, противопоставляемую традиционной категории вещных прав. В свою очередь структура интеллектуальных прав предполагала включение двух элементов: личных неимущественных прав и имущественных прав.

«Замена» категории интеллектуальной собственности категорией интеллектуальных прав не повлекла отмены первой из них как юридически значимой. Однако понятию интеллектуальной собственности придан совершенно иной смысл, который идет вразрез с традиционным подходом, признанным международным сообществом и доктриной. Отныне в России интеллектуальной собственностью признаются не права, относящиеся к различным результатам интеллектуальной деятельности и средствам индивидуализации, а сами результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Особенности сформированного в части IV ГК РФ института интеллектуальных прав, призванного заменить институт интеллектуальной собственности, свидетельствуют о том, что законодателю не удалось в полной мере создать простую и непротиворечивую юридическую конструкцию. Нормативный массив части IV ГК РФ в результате проведенной кодификации оказался тяжеловесным и внутренне противоречивым. Этого можно было избежать, ориентируясь на модель интеллектуальных прав, предложенную *Е. Пикардом*. Для ее реализации достаточно приравнять категорию интеллектуальной собственности к категории интеллектуальных прав, определив в качестве элементов последних имущественные права на использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации и личные неимущественные права.

К. ю. н., доц. кафедры коммерческого права *К. К. Лебедев* выступил по основной проблеме предпринимательского права России — проблеме его признания в системе права, системе законодательства, системе наук и системе учебных дисциплин.

К. ю. н., доц. кафедры гражданского процесса СПбГУ *А. А. Ференс-Сороцкий* поделился с присутствующими некоторыми теоретическими

и историческими размышлениями по поводу практически важных проблем гражданского процессуального права. В частности, он высказал общее соображение, что если какое-то правовое явление хорошо себя зарекомендовало где-либо, совершенно не обязательно, что на российской почве оно покажет тот же результат. У нас существуют достаточно преувеличенные представления о достоинствах судебной практики как источника права в других странах и у других народов. Докладчик заявил себя противником признания судебной практики вообще и судебного прецедента в частности в качестве источников российского права. Вместе с тем, отдавая себе отчет в том, что судебная практика есть реальность нашей правовой системы, А. А. Ференц-Сороцкий заметил, что признавать судебную практику источником права следует, внося изменения в Конституцию РФ и четко определяя ее место в общей иерархии источников. Наряду с этим необходимо изменение принципов судостроительства с введением выборности и срочности избрания судей всем населением, по крайней мере, тех судов, которые формируют практику как источник права, с правом досрочного отзыва данных судей, а также с правом роспуска указанных судов при определенных условиях Президентом.

К. ю. н., доц. кафедры гражданского права СПбГУ А. А. Новиков связал тему своего выступления с правопреемством, показав, как проблемы, возникающие в законоведении, приходится решать, прибегая уже к правоведению. А его коллега доц. А. Д. Рудоквас высказал соображения по поводу соотношения цивилистической методологии и теории права.

Д. ю. н., проф. кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России Ю. В. Ячменев отметил, что в настоящее время много говорится о различиях в правоведении и законоведении, о возможности реанимировать законоведение. В контексте предметно-методологических проблем на примере гражданского права он обратился к области научных диссертационных исследований. По мнению Ю. В. Ячменева, сегодня в области отраслевых исследований все сводится к обнаружению пробельности закона и внесению поправок в законодательство, одновременно забывается об объекте, о принципах правового регулирования.

Д. ю. н., проф., зав. кафедрой конституционного и муниципального права Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ) С. Н. Бабурин посвятил выступление проблеме возрождения государственоведения. В свою очередь д. ю. н., проф., зав. кафедрой уголовного права и процесса РГТЭУ В. С. Джатиев еще раз обратил внимание присутствующих на то, что более проблемной, чем сегодня, юридическая наука не была никогда.

Итоги состоявшегося обсуждения подвела ведущая круглого стола зам. декана юридического факультета СПбГУ Т. А. Алексеева. По ее мнению, дискуссия удалась: достаточно к окончанию конференции посмотреть в зал и оценить, сколько в нем осталось присутствующих, чтобы судить об успехе мероприятия; «наш Актный зал и к завершению конференции был полон, ведь поводом такой встречи стал день рождения Дженевры Игоревны Луковской — человека, который по своей природе несет мир, согласие, добро, любовь».

Светлана Васильевна Волкова,
к. ю. н., доцент, СПбГУ;

Наталья Ивановна Малышева,
к. ю. н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный морской технический ун-т

© С. В. Волкова, Н. И. Малышева, 2009
E-mail: theory@jurfak.spb.ru